

Московского университета Христиан Шлецер и знаменитый врач Рихтер. П.А. Вяземский вел из Вологды обширную переписку, и по ней мы можем сейчас представить себе жизнь Вологды того времени.

К.Н. Батюшков писал Вяземскому в свой род-

Рихтер просиживал у нас целые часы и в комнате перед спальнею ее писал известное свое сочинение о медицине в России". ("История медицины в России".)

О том, что первый сын П.А. Вяземского родился в Вологде, мы узнаем из письма к нему известного русского историка и писателя Н.М. Карамзина от 16 октября 1812 года: "Любезнейший князь и княгиня! От глубины сердца радуюсь и поздравляю вас с рождением любезного сына... Вот новый источник сладчайших удовольствий здешней жизни. Рождение вашего Андрюшки останется навсегда памятным... Дай Бог, что-

В интересных беседах с ними часто и проводил время Вяземский. Вспоминая их, Петр Андреевич рассказывал, как однажды он прочитал Остолопову письмо своего друга А.И. Тургенева, в котором было какое-то "счастливое и пророческое выражение". Вологодский поэт сразу же написал свое стихотворение, закончив его так:

**"Нам зарево Москвы
Осветит путь к Парижу".**

"Таким образом, - писал Вяземский, - в нашем вологодском захолустье выведен был ясно и непогрешительно вопрос, который в то время мог казаться еще весьма сомни-

ся из гимназии мимо этой лавки, не раз приходилось переводить для французов газетные известия о бегстве Наполеона из России".

Но Вологда в 1812 году была не только убежищем для людей. Сюда тогда же, как сообщает тот же Ф. Фортунатов, "привезена была из Москвы святая: патриаршая, соборная, Троице-лаврская и некоторых других монастырей ризницы с патриаршей библиотекой, делами московской консистории и синодальной канторы". Все эти московские ценности были помещены в одной из церквей Спасо-Прилуцкого монастыря и хранились там "в течение слишком двух месяцев с 3 октября до 12 декабря".

Об этом еще в 60-х годах прошлого века напоминали некоторые детали. Так, однажды во время ремонта келий, где жили "лица, доставившие в Прилуцкий монастырь московскую святыню", были найдены стихи, написанные карандашом на оконном косяке. Их автор - угрешский игумен Павел - писал:

**В то время, в грозную для
церкви ту годину,**

**Как новый Юлиан в надменности
своей**

**Безбожною рукою коснулся
алтарей**

**(Разбойник, взяв царя под
ложную личину),**

**Как сорван крест Христов с
Ивановской алавы,**

**Как града жители от буйств
врага страдали**

**(Их крыло рубище - тирана
вечный стыд),**

**В то время в сих стенах спо-
койно пребывали**

Игумен и архимандрит.

**Один - монастыря угрешско-
го Николы,**

**Другой - святителя, что в
Греции глаголы**

**В железные сердца златые
изливал**

**И Златоустом свет которо-
го назвал.**

**О, адских замыслов коварный
исполнитель!**

**Прерви змеиный тон парижан-
ин Лессепс.**

**Нас гласом матерним Моск-
ва к себе зовет,**

Прости, священная обитель!

**Как ты покоила, как ты хра-
нила нас,**

**Так да покоит Бог тебя на
всякий час.**

Еще одно свидетельство этой истории находилось на крыше келий, где стояли три урны с цветами, а "в средней из них изображение всевидящего ока среди цветов с подписью "1812 год", а под годом двуступище:

**Безбедно бог меня в сей лю-
тый год хранил,**

**Москве рассеянной убежи-
щем я был".**

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВ

УБЕЖИЩЕ МОСКВЫ

Александр Грязеву - 60

9 ноября исполняется 60 лет известному вологодскому писателю, драматургу Александру Грязеву. Его книги издавались в Москве в издательствах "Современник" и "Патриот", в Архангельске, Вологде. Он автор пьес "Всего два дня" и "Одиноким представляется общежитие", поставленных в Вологде и Череповце.

В своих произведениях писатель возвращает нашу память к поучительным урокам как нынешнего времени, так и прошлого, к тому, без чего жить нельзя на белом свете, - исторической памяти.

Общезвестна гражданская позиция писателя как истинного патриота земли русской, как человека не только словом, но и делом доказывающего любовь к Родине. Долгое время А. Грязев открыто противостоял строительству АЭС на своей малой родине, а его краеведческие работы открывают нам новые, доселе малоизвестные страницы Отечества.

С 1993 года А. Грязев - ответственный секретарь Вологодской писательской организации.

Вологодские писатели сердечно поздравляют своего товарища с юбилеем, желают крепкого здоровья, силы духа, новых, интересных книг.

В первой половине сентября 1812 году в Вологду пришло известие о вступлении французских войск в Москву. К этому времени город был уже заполнен тысячами беженцев из разных губерний России.

Будущий декабрист Дмитрий Заваляшин в своих воспоминаниях так писал о пребывании в Вологде в 1812 году (ему было тогда около десяти лет): "Вологду мы нашли набитую уже битком приезжими, удалившимися из губерний, ближайших к Москве и Петербургу..."

...Живо помню и до сих пор глубоко поражавшие меня сцены у церкви Спаса Обыденного... Помню очень хорошо, что всегда не только сама церковь, но и вся площадь перед нею бывали сплошь набиты народом и там, при совершении ежедневно молебствия об избавлении от врагов, вид коленопреклоненного, оглашающего площадь рыданиями народа производил на меня потрясающее, никогда не изгладимое впечатление.

Общее отчаяние после взятия Москвы было тем сильнее, что никому уже не доверяли: везде видели несомненные доказательства измены, приводя даже слова, будто бы сказанные самим Бонапартом, что у русских стены (народ) крепки, да столбы (вожди) слабы..."

Из московских знаменитостей в Вологде переживали военную грозу поэты князь П.А. Вяземский, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, профессор

ной город из Нижнего Новгорода, куда привез из Москвы свою тетушку Екатерину Федоровну Муравьеву: "Я обрадовался твоему письму, как самому себе. От Карамзиных узнал, что ты поехал в Вологду... Познакомься с моим зятем и полюби его: он добрый человек и меня любит, как брата". Речь здесь идет о Павле Алексеевиче Шипилове, который был женат на сестре Батюшкова Елизавете Николаевне.

"Мы скоро познакомились и сблизились с ним и сестрами Батюшкова", - вспоминал потом Вяземский, который так объяснял свой приезд в Вологду: "Выбор мой пал на этот город потому, что в Вологду ехал наш знакомый знаменитый московский врач и акушер Рихтер. Жена моя была беременна первым своим ребенком и вскоре должна была родить. В ожидании родов ее

бы родильница и рожденный были совершенно здоровы и чтобы Вологда впоследствии времени не напоминала вам ничего, кроме приятного!..."

В те же годы жили в Вологде и свои знаменитости. Так, архиепископом вологодским был в то время известный писатель, автор "Словаря русских писателей", философ и историк, друг Державина Евгений Болховитинов. Это ему посвятил Гавриил Романович свое знаменитое стихотворение Евгению: "Жизнь званская".

Губернским прокурором служил тогда в Вологде известный поэт и переводчик, издававший в свое время в Петербурге журнал "Любитель словесности" Николай Федорович Остолопов. Он был также дружен с Державиным, которому посвятил еще в 1803 году написанную и изданную в Петербурге повесть "Евгения, или Нынешнее воспитание".

тельным и в глазах отважнейших полководцев, и в глазах дальновидных политиков. Недаром говорят, что поэт есть вещий. Мог бы Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вещего и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814 году, было еще в 1812 году дело уже предreshенное губернским прокурором в Вологде".

Осенью 1812 года в Вологду начали прибывать и пленные французы. "В прогулках моих по Вологде, - вспоминает Вяземский, - встречал я часто пленных французов в самом жалком и бедственном виде. Зима была жестокая, а одежда и обувь их были совершенно летние. Сострадая к их положению, я открыл подписку для сбора некоторой суммы денег на покупку им тулупов, теплых рукавиц, валенок и проч. Я очень был тому рад, что русские штыки, русские пушки и русские морозы истребляют на русской земле вооруженных французов. Но следуя русской пословице, так хорошо выражающей русское чувство: "Лежачего не бьют", я не видел патристической потребности и обязанности добывать и докармливать обезоруженных французов, находившихся в плену под крепким караулом. Несчастным была оказана посильная помощь. Вследствие того и познакомился я с некоторыми французскими офицерами, приходившими ко мне с выражением своей признательности".

Об этом же пишет и вологодский историк Фортунатов: "В Вологду в то время приходила почта раз в неделю. С лихорадочным нетерпением ожидали все получения газет и вестей из Петербурга. Покойный отец мой рассказывал, что каждый почтовый день стояла куча народа около лавки купца Коровникова, получавшего газеты. В числе слушателей были и пленные французы, кочевшие от русского мороза. Отцу моему, возвращавшему-